

Вэнь Цзюэ не нашёл слов, глядя на человека, который обмяк в его руках, окончательно потеряв сознание.

Это был уже второй раз, когда Лу Циньянь назвал его «Лао Ваном». Сначала в голосовом сообщении, а теперь вот так, в лицо.

Неужели бредит настолько, что перестал узнавать людей?

Досадно покачав головой, Вэнь Цзюэ на руках занёс Лу Циньяня в номер. Он мельком взглянул на бледного Лу Циньяня, мирно прижавшегося к его груди, и без лишних церемоний опустил его на кровать.

Тело Лу Циньяня бессильно качнулось на матрасе и замерло. Вэнь Цзюэ застыл у края, сверху вниз разглядывая распостёртого актёра. Он то и дело менялся в лице, отражая внутреннюю борьбу, пока в тишине комнаты не раздался тихий, почти жалобный щенячий стон. Этот звук заставил его опомниться.

Слегка нахмурившись и не скрывая брезгливого раздражения, он всё же поправил Лу Циньяня, уложив его ровнее. Снял с него тапочки и натянул одеяло до самого подбородка.

«Вечно он создаёт проблемы на пустом месте. Видимо, его главное хобби — заставлять других возиться с ним».

Ещё когда он вносил Лу Циньяня в комнату, краем глаза заметил на журнальном столике две вещи, которые сейчас пришлись как нельзя кстати. Утром врач съёмочной группы, опасаясь, что жар не спадёт, выдал Циньяню блистер жаропонижающего и охлаждающий пластырь. Лао Ван сунул их парню прямо перед тем, как тот ушёл к себе. Тогда Лу Циньянь был уверен, что с ним всё в порядке, но под напором менеджера всё же взял лекарства. Кто же знал, что они понадобятся так скоро.

Вэнь Цзюэ взял пластырь и вернулся к кровати. Совсем не нежно он отвёл в сторону растрёпанные пряди с его лба, проверил температуру и приклеил охлаждающую полоску. Тёмные волосы Лу Циньяня окончательно спутались, но тот ничего не замечал, послушно замирая под чужими руками.

То ли этот беспорядок на голове показался Вэнь Цзюэ забавным, то ли было в этом что-то ещё, но он на мгновение замер, вглядываясь в лицо больного. Он смотрел бесстрастно, однако перед тем как отойти, он всё же аккуратно поправил сбившиеся пряди.

Горячей воды в номере не оказалось, зато на столе стояло несколько бутылок минералки. Вэнь Цзюэ взял одну, раздумывая, как заставить Лу Циньяня проглотить таблетку. В таком состоянии тот вряд ли смог бы даже глотнуть.

— Лао Ван...

Стоило Вэнь Цзюэ коснуться его плеча, чтобы разбудить, как Лу Циньянь невнятно пробормотал что-то во сне. Голос был слабым, но слова — вполне разборчивыми.

Вэнь Цзюэ на миг окаменел, но он быстро взял себя в руки.

— «Лао Ван»... Лу Циньянь, вы и впрямь не разлей вода. Хороши, ничего не скажешь, — вспомнив сцену у двери, Вэнь Цзюэ усмехнулся, и в этой усмешке сквозило неприкрытое презрение.

— Вэнь Цзюэ...

Не прошло и полуминуты, как он снова сонно прошептал. На этот раз Лу Циньянь позвал его по имени. И тут же замолк, погрузив комнату в тишину.

Что это значит?

Вэнь Цзюэ нахмурился. Неужели тот пришёл в себя и понял, кто перед ним стоит?

— Вэнь Цзюэ... ты... паршивый человек...

Пока Вэнь Цзюэ пытался разглядеть, открыты ли глаза актёра, Лу Циньянь без всякого предупреждения продолжил свой бред.

Вэнь Цзюэ снова разозлился. Раз этот парень даже во сне умудряется его оскорблять, можно только представить, что он болтает за спиной.

«Удивительное существо. Сначала липнет ко мне как банный лист, а теперь прокликает в беспамятстве».

— Лу Циньянь, проснись, — он толкнул его в плечо, но тот не отреагировал.

Вэнь Цзюэ нахмурился сильнее и толкнул снова, на этот раз ощутимо сильнее. Голос его оставался ровным, но в движениях сквозила грубость.

— Подъём.

После нескольких бесцеремонных толчков Лу Циньянь наконец начал приходить в себя. Голова раскалывалась, всё вокруг плыло. Он невольно коснулся лба — пальцы ощутили что-то холодное и липкое. Сознание работало туго, он понимал, что это пластырь, но не мог

вспомнить, откуда он взялся.

А затем он сфокусировал взгляд на Вэнь Цзюэ, который смотрел на него так, словно перед ним был круглый дурак.

Сначала Лу Циньянь видел лишь расплывчатый силуэт, окутанный туманом, но когда пелена перед глазами рассеялась, он наконец осознал реальность.

— Вэнь... Цзюэ?

Окончательно очнувшись, Лу Циньянь от испуга попытался резко сесть, но от этого движения в глазах потемнело, а дурнота накатила с новой силой.

— Оказывается, ты ещё способен меня узнать, — голос Вэнь Цзюэ звучал холодно и враждебно, хотя Лу Циньянь едва разбирал слова.

— Ты... что ты делаешь в моем номере? — он попятился назад, пока не упёрся спиной в спинку кровати, и поплотнее запахнул на себе одеяло.

Тёмная дымка в глазах таяла медленно, но верно. Теперь он отчётливо видел лицо Вэнь Цзюэ и его одежду — шелковую серую пижаму. Впрочем, сейчас Лу Циньяня меньше всего волновал чужой гардероб. Главный вопрос был в другом: как этот человек здесь оказался?

— Сначала так отчаянно искал встречи, а теперь делаешь вид, что не понимаешь? — Вэнь Цзюэ искренне забавляла эта ситуация, хотя спорить с полубезумным больным ему не хотелось.

— Когда это я тебя звал? — Лу Циньянь искренне изумился его словам.

Вэнь Цзюэ раздражённо сжал губы, не желая тратить время на пустые препирательства. Он взял с тумбочки таблетки и бутылку воды.

— Хватит болтать. Пей лекарство.

— Какое ещё лекарство... — Лу Циньянь покосился на блистер в чужих руках и ещё крепче вцепился в одеяло. Он чувствовал подвох.

— А на что это похоже? — вопросом на вопрос ответил Вэнь Цзюэ.

— Те таблетки, что я оставил на столике? — Лу Циньянь вспомнил про вещи, которые бросил утром. Посмотрев на пустой стол, он понял, что не ошибся.

В руках Вэнь Цзюэ действительно было жаропонижающее.

Вместо прямого ответа Вэнь Цзюэ резко сменил тон на ледяной и властный:

— Ты думаешь, мне доставляет удовольствие стоять и ждать, пока у меня затечёт рука?

Он хотел припугнуть парня, но Лу Циньянь в своём нынешнем состоянии был скорее упрям, чем боязлив. Угроза не сработала. Вместо того чтобы подчиниться, он лишь нахмурился.

— Я не болен. Зачем мне лекарства?

Глядя на это нелепое упрямство, Вэнь Цзюэ едва сдержал желание силой впихнуть в него таблетки.

— Ты совсем соображать перестал? У тебя жар. Ферштейн? — он протянул ему лекарство и отвернулся, не в силах больше созерцать эту глупость.

Лу Циньянь с явной неохотой принял таблетки и воду. Сначала положил лекарство на одеяло, а затем, приложив усилие, отвинтил крышку бутылки.

— Раз силы остались даже на это, значит, не всё так плохо, — Вэнь Цзюэ стоял рядом, скрестив руки на груди и наблюдая за ним сверху вниз. Несмотря на ровный тон, в его словах сквозила явная издёвка.

Лу Циньянь не был дураком и прекрасно это слышал. Терпеть насмешки не хотелось, и он огрызнулся в ответ:

— Учитель Вэнь, я взрослый мужчина. Думаешь, я не справлюсь с какой-то крышкой?

Будь у него силы, он бы, верно, бросился на Вэнь Цзюэ с кулаками.

— Не справишься.

Этот короткий и спокойный ответ мгновенно заставил Лу Циньяня замолчать. В каждом их споре последнее слово неизменно оставалось за Вэнь Цзюэ. Решив больше не связываться, он уставился на ладонь с четырьмя таблетками.

— Ну? Чего ждём? — видя, что тот замер с водой в руках, Вэнь Цзюэ заподозрил очередную выходку.

— А сколько надо пить? — Лу Циньянь посмотрел на него с явным замешательством. — Все

четыре сразу?

Вэнь Цзюэ окончательно убедился: жар попросту расплавил мозг этому человеку.

— Да. Все четыре.

К удивлению Вэнь Цзюэ, Лу Циньянь, который раньше всегда делал всё наперекор, на этот раз безоговорочно поверил. Он послушно потянулся за лекарством, словно потерял всякую волю к сопротивлению. Неужели он не боится побочных эффектов?

Лу Циньянь поставил воду на тумбочку и уже собрался вытряхнуть оставшиеся таблетки, когда Вэнь Цзюэ внезапно перехватил его руку.

Циньянь хотел было спросить: «Ты чего?», но низкий холодный голос Вэнь Цзюэ опередил его:

— Пей две.

Сказав это, Вэнь Цзюэ сразу отпустил его руку. Весь контакт длился от силы пару секунд.

В глазах Лу Циньяня, устремлённых на него, промелькнуло изумление, но он послушно отложил лишнее, сделал глоток и проглотил две таблетки. Кадык на его горле плавно дёрнулся.

Сейчас он вёл себя на редкость смирно — даже пугающе смирно. Вэнь Цзюэ скользнул взглядом по его лицу, ниже — к длинной шее, и на мгновение задержался на изящных, чётко очерченных ключицах. Пижама Лу Циньяня была застёгнута на все пуговицы, но из-за глубокого выреза ворот всё равно приоткрывал полоску бледной кожи на груди, невольно приковывая к себе внимание.

<http://bllate.org/book/17547/1713457>